

А. А. ЩЕЛЧКОВ

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ – “МЕККА” ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ. ОБРАЗ СТРАНЫ–“МЕССИИ” В ТРУДАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ¹

Латиноамериканская интеллигенция испытала огромное потрясение после первых известий о Российской революции 1917 г., а затем и провозглашения первого в мире социалистического государства. Первая влюбленность в «русский эксперимент» часто сменялась отрезвлением после личного знакомства с реалиями советского режима и его практикой. Первые очерки путешественников, посетивших Советскую Россию по линии Коминтерна или ВОКСа, их непредвзятый взгляд на российскую революцию привел к глубокому размежеванию среди латиноамериканской интеллигенции на тех, кто принимал все советское, и тех, кто занял критическую позицию. Одно оставалось неизменным – непрекращающийся интерес к происходящему в России и анализ сквозь призму русского опыта латиноамериканской действительности.

Ключевые слова: Советская Россия, латиноамериканская интеллигенция, образ идеального общества, ВОКС, Коминтерн

Российская революция вызвала многочисленные отклики не только среди политических партий и движений, связывавших своё будущее с провозглашёнными ею целями, но также в широких слоях латиноамериканской интеллигенции. В одно мгновение Россия превратилась в страну-«мессию», несущую освобождение миру. Многие интеллектуалы обратились к образу страны, удивлявшей мир призывом к построению нового общества. В книге «История XX века» Э. Хобсбаум отмечал центральное значение русской революции для понимания всего хода всемирной истории прошедшего, да и текущего века:

«Казалось для всех очевидным, что старый мир уже приговорён к небытию. Старое общество, старая экономика, старые политические системы, как говорилось в Китае, “утратили мандат Неба”... Казалось, что нужен только один сигнал, чтобы народы поднялись и сменили капитализм на социализм, преобразовав невиданные страдания мировой войны в позитивное событие рождения нового мира. Этот сигнал дала русская, а точнее большевистская революция октября 1917 г., которая стала самым ключевым событием мировой истории после французской революции 1789 г... Последствия октябрьской революции были более глубинными и всеобщими, чем французской, её идеи продолжают жить и после исчезновения большевизма»².

Значение событий в России сразу поняли передовые люди во всех уголках мира. Интеллигенция стала первым получателем этого исторического послания из России и не могла остаться к нему равнодушной.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект 19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

² Hobsbawm, 1995. P. 63.

Мы обратимся к личным впечатлениям от посещений страны Советов, хотя затронем и посвященные революционной России тексты популярных среди латиноамериканской публики авторов, которые никогда в России не были, но формировали общественное мнение. И все-таки предпочтение будет отдано текстам тех, кто побывал в России и оставил литературное свидетельство об этом, ибо, как писал аргентинский историк Хорхе Монтелоне, «без рассказа о путешествии и его самого как бы не было», но при этом «в любом путешествии реальное и воображаемое, материя, время и пространство вступают во взаимозависимость»³. Для нас важно не находить ошибки, преувеличения или замалчивания, а представить систему образов Советской России, которые формировались через печатные тексты, прессу, толстые журналы, создавая «коллективное воображаемое» о стране в Латинской Америке.

Первые впечатления часто обманывают

Самым влиятельной, имевшей континентальный резонанс была книга аргентинца Хосе Инхеньероса «Новые времена», в которой перед читающей публикой предстал новый лик России, страны революции и прообраз будущего для всего человечества, страны, в которой восходила заря всеобщей духовной революции⁴. Для этого автора Россия несла свет и приносила себя в жертву, что было заложено в характере русского народа, «мессии» и жертвы, а значение революции состояло в «духе обновления, которое уже сформировало новое сознание морали во всем человечестве»⁵. В работе «Моральные силы революции», посвященной трёхлетию революции в 1920 г., Инхеньерос поставил достижения русских революционеров выше свершений Христианства, Возрождения и Французской революции. Признав, что не имеет полной и достоверной информации о революции в России и большевистском режиме, получая ее лишь от противников нового революционного режима, а priori соглашался с возможными жестокостями и эксцессами революции, так она принесёт новую эру народам, ведь и французская революция, результатами которой пользуется все человечество, пролила реки крови⁶.

Инхеньерос обращал внимание латиноамериканцев на главные лозунги новой власти в России – они касались создания нового человека, проведения культурной революции в одной из самых отсталых стран Европы. Он писал об «интегральном просвещении», о системе, которая превратит гражданина в созидательного и полезного члена общества⁷. Революционный дух реформы просвещения в России привлекал в рус-

³ Montelone, 1998. P. 14.

⁴ Подробно об этой важной книге Х. Инхеньероса. и его взгляде на Русскую революцию см.: Щелчков, 2018. С. 155-171.

⁵ Ingenieros, 1921. P. 11-12.

⁶ Ibid., P. 59.

⁷ Ibid., P. 10-11.

ской революции и тех, кто ей симпатизировал, и тех, кто её яростно критиковал, как например, мексиканец Х. Васконселос, писавший, что мексиканские интеллектуалы убивали время в дискуссия о «Советах», о революции, о Ленине, но главное, что нужно было обсуждать – это реформы просвещения Луначарского⁸.

Тему революции в сфере просвещения в Советской России поднимал влиятельный во всех странах региона, знаменитый коста-риканский журнал «Repertorio americano», на страницах которого регулярно появлялись статьи о советских реформах в вопросах школы и воспитания молодёжи, о первостепенности дела просвещения в созидании нового человека⁹. Особый интерес вызывали эксперименты в области просвещения и воспитания, как например, детская самоуправленческая коммуна в Ясной Поляне, основанная на принципах трудового воспитания: «Дух Толстого витает над этими опытами коммунистической педагогики»¹⁰. Цели этих усилий нового государства состояли в распространении моральных принципов, необходимых при построении нового общества¹¹. Латиноамериканские интеллигенты были охвачены энтузиазмом и верой в революционный дух советских экспериментов в деле формирования нового человека и новой, не опирающейся на религию, морали.

Новый подход к просвещению, создание новой школы на основе унификации, технологии, а главное трудового воспитания были в центре внимания латиноамериканских интеллектуалов с первых лет русской революции. Аргентинская «Claridad» подчеркивала революционный характер школьной реформы в России, ее обращение к ценностям труда и Коммуны как принципа сосуществования учеников, создание «школьного самоуправления» для подготовки молодых граждан к солидарной и коллективистской жизни в новом обществе, контуры которого были ещё не совсем ясны. Отмечались отказ от наказаний и домашних заданий и прочие новшества в школьном деле¹².

В начале 1920-х гг. в Южной Америке были опубликованы первые очерки с впечатлениями очевидцев о происходившем в Советской России. Наиболее известны и популярны были труды испанцев Ф. Делос Риоса и Л. Аркистайна. А собственнo первым, правда «условным», латиноамериканцем был Михаил Комин-Александровский, эмигрант из России, давно живший в Аргентине. В 1921 г. он опубликовал свои заметки о путешествии в Советскую Россию.

Комин-Александровский окольными путями, через Закавказье, прибыл в Россию, когда ещё на юге шла гражданская война. Комин был

⁸ Vasconcelos, 2011. P. 19-20.

⁹ Repertorio Americano. Vol. 1. No. 16. 1 de abril, 1920. P. 246.

¹⁰ Repertorio Americano. Vol. 1. No. 16. 1 de abril, 1920. P. 251.

¹¹ Repertorio Americano. Vol. 1. No. 19. 15 de mayo, 1920. P. 293-294.

¹² Claridad. Buenos Aires. No. 4. 19 de marzo, 1920. P. 11.

исполнен энтузиазма и даже нехватка всего необходимого, деградация системы обеспечения и обмена, честно описанные автором, казались незначительными деталями в общей панораме революционных изменений на его бывшей родине¹³. Буквально все у него вызывало энтузиазм, а трудности казались временными. Он описал новые коммунальные квартиры рабочих в бывших апартаментах буржуазии с общими столовыми и библиотеками как некое великое достижение коллективизма и нового быта. И главное – все обращались друг к другу словом «товарищ»¹⁴. Именно эта эмоциональная атмосфера позволяла Копину не видеть ничего реально омрачавшего жизнь людей.

Более комфортно автор чувствовал себя в описании культурной жизни Москвы: действительно, новые театры и артистические группы повсюду удивляли экспериментированием и своим изобилием, открывались художественные кружки, выставки и библиотеки. Культурный подъем нового государства производил огромное впечатление, создавал атмосферу надежды на будущее. Москва показалась ему спокойным городом, где исчезла уличная преступность, пьянство и проституция как пороки капитализма¹⁵. По крайней мере, он так хотел представить идеальное государство рабочих. Все усилия «друзей Советской России» в первые годы ее существования были направлены на политическую агитацию и создание некоего идеального образа нового общества равенства, благосостояния и социальной гармонии, а видимые, невозможные для умолчания недостатки и противоречия, несовместимые с идеальной схемой, сопровождалось пространными объяснениями объективных, как правило, внешних причин, и убеждением в их временности.

Такие же восторженные и полные надежд на «светлое будущее» коммунизма впечатления изложил в своих путевых заметках лидер аргентинских коммунистов Родольфо Гиольди, побывавший в Москве и Петрограде в 1921 г. Надо признать, что после дежурных славословий великому делу большевиков самые яркие строки Гиольди посвятил реально впечатлившим его событиям, связанным с Коммунистическим конгрессом женщин, с волновавшей его проблемой женского равноправия, о чем даже многие левые политики в Латинской Америке в то время ещё мало задумывались. Из его работы видно, что равенство в России завоевывало самое сложное пространство семьи и положения женщин. Огромное впечатление на него оказали русские борцы за женское равноправие, прежде всего Александра Колонтай¹⁶. Надо отметить, что в вопросах культуры, просвещения, освобождения семьи и других гу-

¹³ *Primeros viajeros al País de los Soviets*, 2017. P. 32.

¹⁴ *Ibid.*, P. 34.

¹⁵ *Ibid.*, P. 35.

¹⁶ *Ibid.*, P. 66.

манитарных вопросах, в отличие от казенных оценок политических и социальных аспектов жизни советского общества, энтузиазм коммунистических путешественников был более искренен и подлинен.

Иное дело – описание посещения Советской России непартийными деятелями, как например, аргентинского анархо-синдикалиста Аугусто Пеллегрини, который рассматривал свою поездку в 1922 г. как «поиск правды» о пролетарской России. Он был полон сомнений относительно правоты большевиков в подавлении восстания в Кронштадте, и явно симпатизировал любым народным движениям, особенно если они были направлены против партийной или какой-либо иной бюрократии. Уже в 1922 г. Коминтерн и все советские учреждения производили на Пеллегрини впечатление заскорузлой и мертвой бюрократии. Зато посещая заводы, рабочие профсоюзы, аргентинец чувствовал себя счастливым, лишь отмечая, что по возвращении в гостиницу у него сильно болели руки от бесконечных твердых рукопожатий сотен рабочих. Другое забавное наблюдение аргентинского анархиста: повсюду поют хором – на улицах, на площадях, в колоннах, все бесконечно поют революционные песни. Пеллегрини отметил благотворное воздействие НЭПа на страну: Петроград полностью ожил – торговля, транспорт, гуляющие толпы людей, общее настроение подъема. Надолго ли? В отличие от «политических туристов»–коммунистов, анархист более взвешенно оценивал общую поддержку режима со стороны народа и пролетариата, отмечал, что встретил немало рабочих, с возмущением говоривших о глупости, догматизме новой диктатуры, «советской тирании». И действительно, закончилось ли неравенство с победой революции? На словах – да, а на деле – руководство (партийцы и гости Коминтерна) ехали в Москву в комфортабельном вагоне, куда не допускались ни крестьяне, ни простые люди, которые штурмовали теплушки и занимали даже крыши вагонов¹⁷.

Большое влияние на латиноамериканцев оказали работы испанского социалиста Фернандо де лос Риоса, который побывал в России в 1920 г. и издал очень критическую к большевикам книгу в 1921 г. Отрывки этой книги публиковали самые популярные среди латиноамериканских интеллигентов издания, такие как «Repertorio Americano».

При всей своей критичности к советскому эксперименту социалисты и левые интеллектуалы сохраняли чувства симпатии к России и прежде всего к ее культуре и тому социальному вызову, который ассоциировался с революцией. Ф. де Лос Риос писал о благодарности русской культуре, о наследии великих писателей и мыслителей: «Мы все должны испытывать чувство благодарности России, ...несмотря на те огромные ошибки, которые были у её революции, пришло время задуматься».

¹⁷ Ibid., P. 97–102.

маться над ними, над тем, что в области духа она стремилась свершить. Пришло время для развития чувств братства, и это – единственное, что может внушить уверенность в светлом, более гуманном будущем»¹⁸.

Создатель идеологии индоамериканизма, перуанец Виктор Рауль Айя де Ла Торре был настолько увлечен Российской революцией, что вступил в эмиграции в Мексиканскую коммунистическую партию и побывал в Советской России в качестве делегата конгресса Профинтерна¹⁹. Айя де Ла Торре сформулировал отношение левых сил Латинской Америки к Российской революции. В 1924 г. он писал: «Я должен изложить свои впечатления в отдельной книге, которую я подготовлю после поездки по ряду регионов страны советов. Её значение больше, чем какой-либо книги о путешествиях. Как Мексика важна для Америки, так Россия для всего мира. В Мексике началась социальная революция латиноамериканского типа, и в России идет новая революция универсального типа, которая поменяет все приводные ремни истории»²⁰. Делясь впечатлениями от путешествия в Россию в самых читаемых интеллектуальных журналах континента, он выражал воодушевление в связи с молодостью русской революции, энтузиазмом масс (прежде всего молодежи), программой просвещения, задуманной большевиками, ибо культурная революция была самой важной в созидании главной цели революции – создании нового человека²¹. Молодежь – вот главное оружие «советов», и в Латинской Америке движение Университетской реформы подтверждало правоту выбора большевиков.

Культурная революция, положение и равноправие женщин, новый взгляд на семью, на воспитание детей и брак вызывали неподдельный интерес не только левых интеллектуалов, но и в целом в общественной среде латиноамериканских стран. Один из репортажей о положении в Советской России начинался сюжетом: русский крестьянин заявлял американскому журналисту, что самое большое изменение в их жизни состояло в том, что теперь он не мог безнаказанно бить свою жену²². Развод в России стал обыденным делом, рассматривался как «аннулирование брачного соглашения, данного ранее» и не нес никаких ограничений в свободе нового брака для бывших супругов. Власти не вмешиваются в обстоятельства развода, занимаясь только охраной прав детей. Самое удивительное и революционное в подходе к равенству полов в браке аргентинцы увидели в одном случае судебной практики в Москве, когда алименты по содержанию общей квартиры и детей были присуждены не жене, а мужу, так как он зарабатывал значительно меньше нее, что озна-

¹⁸ Repertorio Americano. Vol. IV. No. 8. 15 de mayo, 1922. P. 102.

¹⁹ Янчук, 2007. С. 159.

²⁰ Цит. по Aricó, 1991. P. 20.

²¹ Repertorio Americano. San José (Costa Rica). Tomo X. No.16. 29 de junio de 1925.

²² Atlántida. Buenos Aires. No. 477. 2 de junio de 1927. P. 19.

чало «конец сексуального рабства женщин в традиционной семье». Новая мораль, заключал автор, состояла не только в полном равенстве, но и в честности отношений, которые переставали зависеть от тысяч материальных условий, внешних и внутренних предрассудков людей. В результате, женщины не стремятся своим кокетством и соблазнением привлечь в себе мужчину, а сближаются с ним на основе общих интересов в работе и досуге, по взаимной симпатии²³. Лево-социалистическая «Claridad» приветствовала освобождение женщин и новый взгляд на семью и брак в России, подчеркивая не только юридическое равенство в браке, но и заботу государства о детях и защиту материнства. Газета приводила известный лозунг: «Дети – цветы жизни»²⁴. Католическому ригоризму и предрассудкам аргентинского общества противопоставлялся иной образ свободы личности не только в политике, но и в социальной, бытовой, культурной среде, а главное – освобождение от супружеского рабства.

ВОКС: пропаганда и конструирование образа «новой России»

Через ВОКС (Всесоюзное общество связей с заграницей) почти недоступную новую Россию стали посещать иностранные туристы, чьи репортажи и фото-свидетельства занимали центральное место в прессе, так, в 1926 г. журналы Буэнос-Айреса писали о посещении Москвы и Ленинграда большой группой аргентинцев²⁵. Туристы не церемонились и высказывались крайне критично о положении в стране – об этом сообщали переводчики. ВОКС, тем не менее, больше внимания обращало на симпатизирующих советской власти и способствовало созданию внепартийной сети Обществ друзей Советской России. В Аргентине такое общество было создано в мае 1925 г. В письме в ВОКС было заявлено, что цель общества – «вести пропаганду и информировать страну о той работе, которая сейчас ведется в Советской России в политической, экономической и культурной сферах»²⁶. Тогда же было принято решение об издании журнала «Revista del Oriente», который вел пропаганду достижений советской России, прежде всего в гуманитарной сфере, и привлек на сторону коммунизма и советского проекта видных деятелей интеллигенции. Во главе журнала встал «проверенный друг» СССР Артуро Орсабаль Кинтана, который не был членом политических партий и отмежевывался от компартии²⁷. В Москве с энтузиазмом поддержали эту инициативу «друзей СССР» из самой богатой и влиятельной страны Латинской Америки²⁸. Приветственное письмо журналу «Revista del

²³ Atlántida. Buenos Aires. No. 477. 2 de junio de 1927. P. 20.

²⁴ Claridad. Buenos Aires. No. 5. 10 de abril, 1920. P. 9.

²⁵ Atlántida. Buenos Aires. No. 447. 4 de noviembre de 1926. P. 37.

²⁶ ГАРФ. Ф. 5283, оп. 3, д. 9. Л. 12.

²⁷ Ávila, 2015. P. 166.

²⁸ В феврале 1926 г. такое же общество было создано в соседнем Уругвае. – ГАРФ. Ф. 5283, оп. 2, д. 17. Л. 109.

Oriente» подписал Луначарский, а ВОКС предложило помощь. Через подставное берлинское Торгово-промышленное общество Aufbau в Аргентину переводились средства, выделяемые Заграничной комиссией ЦИК²⁹. Коммунисты Аргентины просили советские власти оказать помощь обществу, которое позволяло им расширять влияние партии среди «попутчиков», стоявших пока вне политической работы³⁰. В ВОКСе обуславливали материальную помощь соответствием публикаций в журнале «генеральной линии» партии. Для контроля начальница ВОКС О.Д. Каменева требовала присылать журнал в Москву через всё ту же берлинскую фирму³¹. Советские чиновники были удовлетворены содержанием журнала, полного фоторепортажей, восторженных статей о советской власти и международной ситуации в духе её интерпретации Коминтерном. Каменева написала для журнала статью о советско-аргентинских связях, сделав упор на культурном обмене. Статья, по сути, была отчетом о деятельности ВОКС в европейских странах и призывом через культуру и гуманитарные связи способствовать налаживанию межгосударственных контактов между СССР и Аргентиной³². В ответ Общество друзей СССР направляло в Конгресс Аргентины требования признания СССР и установления дипломатических отношений³³.

Издатель «Revista del Oriente» Орсабаль Кинтана во время пребывания в Париже в 1910–1920 гг. увлекся левыми идеями, а в ходе революционных событий в России испытал, как и многие латиноамериканские интеллектуалы, проживавшие в Европе, влияние Анри Барбюса и Романа Роллана, возглавлявших дело поддержки Русской революции и идей большевизма в непартийной среде «попутчиков». В Аргентине Орсабаль был близок Х. Инхеньеросу, считал себя его учеником и сподвижником в поддержке Советской России, хотя никогда не вступал в ряды компартии. На культурно-просветительском и публицистическом поприще он принес коммунистам гораздо больше пользы, чем если бы открыто вступил в партию: под его руководством «Revista del Oriente» обращался к более широкой аудитории, особенно к интеллигенции и студенчеству. К этому времени Орсабаль, хотя и не принял большевистской ортодоксии, стал активным защитником антикапиталистического эксперимента в России – как социального, так и эстетического³⁴.

Журнал много места отводил успехам ликвидации неграмотности, школьной реформе, культурным процессам в Советской России, политике Пролеткульта и авангардистской эстетике, что вызывало интерес у

²⁹ ГАРФ. Ф. 5283, оп. 3, д. 9. Л. 14–17.

³⁰ ГАРФ. Ф. 5283, оп. 3, д. 9. Л. 23.

³¹ ГАРФ. Ф. 5283, оп. 3, д. 9. Л. 29–30.

³² Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 2. Julio de 1925. P. 13.

³³ Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 2. Julio de 1925. P. 28.

³⁴ Ávila, 2015. P. 172-173; Lucía, 2012. P. 10.

образованной публики и деятелей культуры³⁵. Особое внимание уделялось авангардистским поискам русских художников: подробный очерк о выставке Нового советского искусства во Флоренции сопровождался большой коллекцией иллюстраций работ Фалька, Анненкова, Экстер и др.³⁶ О путях развития советской культуры, новых направлений в искусстве специально для этого журнала писал А. Луначарский³⁷. Искусство рассматривалось издателями как средство привлечь молодежь, студентов и передовых рабочих на сторону революции. На страницах журнала печатались работы молодых советских авторов – М. Зоценко³⁸, И. Бабеля³⁹, Вс. Иванова⁴⁰. Для него также писали выдающиеся представители латиноамериканской мысли – Х.К. Мариатеги, В.Р. Аяя де ла Торре, Диего Ривера. В этом аргентинском журнале печатались и представители партийной «левой оппозиции» (троцкисты), чего не могли себе позволить органы компартии и Коминтерна: в частности, там появилась большая статья Виктора Сержа (Кибальчич) о роли и месте интеллигенции в революции⁴¹. Острые вопросы, которые могли вызвать недоверие к журналу в случае прямой пропаганды, такие как антирелигиозная политика советской власти, о чем много писали консервативные издания, либо игнорировались, либо подавались нейтрально. Борьба с религией отсутствовала на страницах журнала, но он не мог пройти мимо этой темы. СССР представлялась исключительно как идеальное воплощение принципа отделения церкви от государства, и не более⁴².

Эпопея просвещения, расцвет новой культуры, театра, литературы привлекали внимание не только интеллектуалов, но и латиноамериканских рабочих-синдикалистов, изумлявшихся размаху культурных событий и свершений культурной революции в Советской России. В 1927 г. на празднование 10-летия Октября Коминтерн и ВОКС пригласили не только партийных деятелей, но и союзников – синдикалистов, и «попутчиков» – интеллигентов. В аргентинской делегации был рабочий, профсоюзный руководитель Абрам Резник, человек образованный и интересующийся культурой. По возвращении он опубликовал в 1929 г. заметки, в которых важное место заняли его впечатления от «театральной революции» в Советской России. Фактически, это сборник рецензий, сделанных Резником, посетившим множество театральных постановок. Так как он происходил из семьи русских евреев, то обходился без пере-

³⁵ Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 1. Junio de 1925. P. 33–34.

³⁶ Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 2. Julio de 1925. P. 14–16.

³⁷ Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 3. Agosto de 1925. P. 4–5.

³⁸ Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 1. Junio de 1925. P. 30.

³⁹ Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 2. Julio de 1925. P. 30–31.

⁴⁰ Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 4. Octubre de 1925. P. 28–29.

⁴¹ Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 5. Noviembre de 1925. P. 20–21.

⁴² Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 2. Julio de 1925. P. 22.

водчика. Резник с удовлетворением и радостью отмечал переполненные залы всех московских театров и их доступность по цене билетов для широкой публики. Постановки Мейерхольда он называл не иначе как «революционные» и «воспитывающие новое художественное чувство». Если стилистика Мейерхольда поражала, удивляла, приводила в восхищение, то наибольший интерес вызвали мхатовские постановки, в частности, пьеса Вс. Иванова «Бронепоезд 14.69»: Резник подробно описал фабулу и режиссуру спектакля, привел диалоги⁴³. Труд Резника вызвал большой интерес среди аргентинской интеллигенции, всегда внимательно следившей за новинками русской литературы и театра.

«Revista del Oriente» отличался вниманием к достижениям советского театра, таким великим фигурам театрального дела как Мейерхольд и Таиров. Обширные статьи на эту тему сопровождались богатым иллюстративным материалом. Особо отмечалась доступность театральных зрелищ, так как часть билетов бесплатно распределялись среди рабочих заводов и фабрик⁴⁴. Россия предстала как «рай» освобожденной от власти денег культуры, расцветшей в стране Советов.

Такой образ России, достижения страны в области культуры и просвещения завоевывали гораздо больше сторонников, нежели прямолнейная политическая пропаганда местных коммунистов, побывавших в СССР, что прекрасно понимали в ВОКС. Журнал предоставлял возможность аргентинским коммунистам публиковать свои материалы, но лидеры партии, как например, В. Кодовилья, всегда выступали от имени МОПРа или иных «скрытых» коммунистических женских или студенческих организаций, и никогда от лица компартии, что помогало делу пропаганды более, нежели прямая партийная агитация.

В 1927 г. ВОКС пригласило на юбилей революции обширную делегацию латиноамериканцев⁴⁵. Многие приглашенные затем написали тексты, опубликованные как отдельными книгами, так и сериями статей в рабочей прессе. В них наряду с клише, свойственным партийным деятелям, были и некоторые критические замечания. Этим отличились аргентинец Мануэль Угарте и кубинец Серхио Карбо. Кубинский коммунистический лидер Х.А. Мелья и С. Карбо посещали одни и те мероприятия, однако, если у Мелья все соответствовало официальной советской доктрине «рабочего рая», то Карбо отмечал, что на заводах «рабочие жаловались на низкие зарплаты, на то, что их протесты игнорируются начальством», и с иронией описывал роскошные приемы, организованные ВОКС в Москве. Такая коррекция восторженного образа не

⁴³ Primeros viajeros al País de los Soviets, 2017. P. 117–124.

⁴⁴ Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 1. Junio de 1925. P. 20–21.

⁴⁵ Подробно о перипетиях в связи с составом латиноамериканской делегации со стороны Коминтерна и ВОКС см.: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. 2014. С. 266–291.

вписывалась в планы ВОКС и Коминтерна. Карбо даже покусился на самое «святое»: он писал, что в стране, где отвергают всякое религиозное поклонение и иконопочитание, повсюду видны примеры превращения Ленина в «религиозного идола»⁴⁶. Карбо делал вывод, что русский опыт не подходит Кубе и Латинской Америке, и надо искать свой путь, что было само по себе еретической мыслью.

Среди приглашенных на 10-летие революции в Москву был выдающийся аргентинский мыслитель Мануэль Угарте. До 1917 г. Угарте жил в Париже, где был знаком и дружил со многими русскими социалистами всех мастей. Его симпатии были на стороне Плеханова. Он общался с Анжеликой Балабановой. С победой большевистской революции Угарте был сразу же насторожен репрессиями новой власти в отношении своих старых знакомых социалистов, меньшевиков, его беспокоила судьба Плеханова⁴⁷. И все же он с надеждой взирал на процессы обновления в России. В 1927 г. по приглашению ВОКС он отправился в Россию. Именно в Москве Угарте, уже будучи знаком ранее, по-настоящему сдружился с А. Барбюсом. Там же он познакомился с Диего Риверой. Все они жили в одной гостинице. С большим сарказмом Угарте вспоминал свой с Барбюсом визит в НКВД к Чичерину. На его предположение, что со временем «советы» восстановят свободу прессы, Чичерин расхохотался, заявив, что такой свободы нет нигде. В ответ Барбюс слегка улыбнулся. Для Угарте, полного симпатий к русскому эксперименту, это был приговор большевистскому режиму⁴⁸, тем не менее за ним закрепилась репутация агента Москвы⁴⁹. Для Угарте Российская революция была грандиозным, но исключительно национальными явлением, а для Латинской Америки её опыт был малозначим⁵⁰.

Десятилетний юбилей революции в 1927 г. не остался незамеченным латиноамериканской прессой, «толстыми» журналами, являвшимися важнейшими инструментами формирования общественной мысли и социального проектирования в обществах континента. Такой важной институцией был перуанский журнал «Mercurio Peruano», который издавал человек – символ «поколения 1900 г.», выдающийся социал-христианский мыслитель Виктор Андрес Белаунде⁵¹. Перуанский журнал, посвятил весь номер России. Открывая целую серию статей, призванных разгадать «русскую душу» и секрет русской истории, редакция журнала заявляла: «Русский феномен – это не только социальная рево-

⁴⁶ Muñiz, 2015. P. 50–51.

⁴⁷ Ugarte, 1978. P. 314.

⁴⁸ Ibid. P. 312.

⁴⁹ Ibid. P. 331.

⁵⁰ Ugarte, 2010. P. 128.

⁵¹ Следует отметить, что В.А. Белаунде в послевоенное время был генсеком ООН.

люция, которую переживает последние годы Россия, а весь комплекс религиозных, художественных и моральных ценностей, в которых русский народ выразил свою странную душу и глубокую драму жизни»⁵². В центре внимания перуанских интеллектуалов оказались проекции на современность великих русских писателей и философов: Достоевского, Толстого, Вл. Соловьева, Л. Андреева, М. Горького, А. Белого, поэтов серебряного века З. Гиппиус, В. Брюсова, Н. Гумилева, А. Блока и других. Не остались без внимания достижения в музыке, в первую очередь революционные опусы Стравинского. Анализ советского опыта присутствовал, но как отражение глубинных вековых процессов в области духа, как отражение утопических устремлений, заложенных в культурном коде русских. Для оценки России, призывал автор журнала, нельзя ориентироваться ни на сторонников, ни на противников Русской революции, ибо страна больше и значительней для мира, чем простая политическая конъюнктура⁵³.

Аргентинские интеллектуалы также искали истоки русского коммунизма в литературе и культуре страны. Они обращались к работам русских литераторов, в частности, Максима Горького, для понимания истоков большевизма и перспективы развития советской России. Многие видели лишь поражения и безысходность террора⁵⁴. Все усилия ВОКС и сторонников «советов» не смогли преодолеть раскол в среде интеллигенции, большая часть которой проделала путь от симпатий к критическому взгляду, однако симпатия к России, советской или антисоветской осталась записанной в культурные коды латиноамериканцев, что вполне очевидно сохранилось до сегодняшнего времени.

Эудосио Равинес. Особый взгляд после подвалов Лубянки

Впервые лидер перуанских коммунистов Эудосио Равинес был приглашен в СССР на празднование десятой годовщины Октября. Когда он пересек границу СССР, то сравнивал свои эмоции с теми, которые, как он предполагал, испытывали средневековые крестоносцы и пилигримы, вступая на Святую землю. Казалось, что там веял особый ветер, по-особому выглядела земля, деревья и все окружающее⁵⁵. Однако главным впечатлением от родины мирового социализма была повсеместная нужда, разруха и голод. Даже высшие чиновники Советского государства (например, на даче у Зиновьева), хотя явно не голодали и обильно кормили гостя, жили в скромных условиях. Правда, его приятно удивила простая обстановка и быт высших деятелей СССР⁵⁶.

⁵² Mercurio Peruano. Lima, 1927. Vol. XVI. No.113–114. P. 401.

⁵³ Mercurio Peruano. Lima, 1927. Vol. XVI. No.113–114. P. 472.

⁵⁴ Atlántida. Buenos Aires. No. 429. 1 de julio de 1926. P. 14.

⁵⁵ Ravines, 1952. P. 134.

⁵⁶ Ibid. P. 144–145.

Равинесу, как и другим членам латиноамериканской профсоюзной делегации предложили поездку на Юг России и в Закавказье. Первым пунктом оказалась Тула, где гости Профинтерна посетили обычную деревню. Равинес был потрясен увиденным: «Пожалуй, никогда в жизни я не видел более ужасающей и страшной картины нищеты: оборванные, истощённые, грязные подобию людей. Мы не рассчитывали увидеть эту дантову картину ада. Казалось, что война только прошла по улицам поселка». На высказанное удивление от увиденного сопровождавший их сын переводчицы ответил: «В России везде так», – за что получил суровую отповедь матери⁵⁷. Делегатов Коминтерна привезли в одно коллективное хозяйство, где они встретили председателя, окруженного большой толпой местных крестьянок, которые кричали и протестовали. Они жаловались на тяжелый труд и ужасный продовольственный паек. Это было неожиданно для организаторов, которые пытались объяснить все саботажем со стороны кулачества. Контрастом этому сюжету был визит в образцовое хозяйство «Гигант», где кругом были клумбы с цветами, опрятные дома и дороги. Равинес и его товарищи по поездке искренне верили, что именно таким будет будущее, а ужасы сегодняшней деревни в России, которые они тоже видели, будут преодолены⁵⁸.

На протяжении всего пути организаторы поездки хотели показать самое лучшее и передовое: «Лучшие металлургические заводы, лучшие фабрики сельского инвентаря, лучшие дома отдыха, лучшие санатории и клубы. Но на всем этом был низменный отпечаток примитивизма, грубости и полного отсутствия вкуса. Это было огромное пространство печали, где люди как черви ведут самую ничтожную жизнь на пороге трагедии, будто бы перед лицом неминуемой смерти»⁵⁹.

Среди этого ужаса и депрессии, среди все ещё зияющей язвы нищеты обыденности контрастом, шокирующим и порой невероятным для путешественников, были речи сопровождавших их функционеров и партийных деятелей на местах, с которыми они встречались. Все выражали убежденность в скором приходе всеобщего счастья и благосостояния. Руководители партии и колхозов заявляли, что народ не понимает своего будущего счастья и не хочет страдать во имя какого-то счастливого будущего⁶⁰. Посреди рудиментарных фабрик и нищих деревень как религиозный символ веры звучали слова партийных руководителей: «Мы сделаем из России то, чем являются сейчас США. Соединим американскую технологию и социализм!». Российские коммунисты преклонялись перед техническими достижениями Запада и не видели

⁵⁷ Ibid. P. 46.

⁵⁸ Ibid. P. 149-150.

⁵⁹ Ibid. P. 147.

⁶⁰ Ibid. P. 152.

без их использования никакого будущего для того нового общества, которое они строили. Препятствий на этом пути русские видели немало, однако, Равинес отмечал, что главным была «вечная русская лень». Он с удовольствием приводит цитату одного из собеседников: «Нам русским нравится много мечтать и мало работать». И после этих слов все предалось безудержной выпивке⁶¹. Совпавший с празднованием десятилетия Октябрьской революции визит Равинеса, помимо знакомства с советской реальностью, удивил политическими потрясениями. Первое место в его воспоминаниях занимает описание антисталинских демонстраций рабочих Москвы, которая, по его мнению, заставила режим смягчить политический террор и направить репрессивную машину против нэпманов и кулаков, и лишь через несколько лет, укрепившись, сталинская бюрократия развязана террор против самих коммунистов⁶².

Второй раз Равинес попал в СССР в 1934 г. после побега из тюрьмы в Перу. После обследования в кремлевской больнице его отправили в санаторий в Сочи. Он попал в райское место, отдыхал и лечился почти во дворце, в шикарном условиях, но там уже не встретил ни одного рабочего, колхозника или красноармейца. Вокруг него в санатории отдыхали «ответственные работники» и их семьи. На его недоуменные вопросы ему с улыбкой отвечали, что у рабочих и колхозников есть свои санатории. Несмотря на весь комфорт, Равинес отметил острую нехватку медикаментов, даже вата и бинты были дефицитными⁶³.

По возвращении в Москву Равинес, вместе с А. Барбюсом и Мао Цзэдуном был удостоен чести встретиться с самим Сталиным. Он работал в Коминтерне, готовил Третью латиноамериканскую конференцию компартий и 7-й конгресс. В декабре 1934 г. после убийства Кирова он стал свидетелем чисток в Интернационале, в частности присутствовал на собрании аппарата, на котором исключали из партии венгерского коммуниста и лидера Венгерской советской республики Бела Куна и многих других. Он был свидетелем, как из коминтерновского Hotel Lux (Центральный) увозили его коллег на Лубянку, и никто не вернулся.

В третий и последний раз Равинес прибыл в Москву зимой 1938 г. после Испании, где бушевала гражданская война. Он был потрясен нищетой и дефицитом после победных репортажей о пятилетках и коллективизации: «Двадцать лет спустя после революции положение оставалось печальным: не только нищета и отсутствие самого необходимого, отчето страдали миллионы людей, но и атмосфера преследования и вездесущего глаза Лубянки»⁶⁴. До тошноты раздражал культ Сталина: по-

⁶¹ Ibid. P. 151.

⁶² Ibid. P. 164.

⁶³ Ibid. P. 221.

⁶⁴ Ibid. P. 367.

всюду его портреты и славословия в честь вождя. Новым был облик Москвы: широкие проспекты, современные дома для номенклатуры в центре города. В витринах магазинов красовались портреты Сталина рядом с ничтожным выбором крайне неприглядной по качеству обуви или других товаров. Появились огромные очереди по утрам, когда в магазинах появлялся белый хлеб. Раньше такого Равинес не помнил. Также он обнаружил, что для аппарата появились свои распределители продуктов. Равинес отмечал социальное неравенство и пропасть в образе потребления и условий жизни в первом рабочем государстве на земле – комфорт аппаратчиков и нищету рабочих, по сравнению с которой жизнь рабочих даже в таких отсталых странах, как Перу, была лучше, чем в СССР. Больше всего шокировало то, что старые друзья отказывались принимать его у себя без указаний начальства. Однако самым острым впечатлением во время этого визита был его допрос в Кадровой комиссии и НКВД, и спасло его от дальнейшей печальной судьбы только вмешательство Димитрова. Поэтому самой большой радостью было решение Коминтерна вновь отправить его на работу в Чили, а самым волнующим воспоминанием – пересечение границы СССР, куда он никогда более не вернулся⁶⁵. Ничто так не отрезвляло как прямой контакт со страшной сталинской действительностью.

Советская Россия после первой почти тотальной влюбленности со стороны латиноамериканских интеллигентов довольно быстро превратилась в предмет раздоров и вражды бывших соратников и друзей. Личное и опосредованное через публикации посещавших «рабочий рай» писателей и журналистов знакомство с новой общественной реальностью одних оттолкнуло в ряды сомневающихся в «русском чуде», других – в лагерь убежденных противников коммунизма. Однако было немало тех, кто так и не смог снять «розовые очки», для них Россия так и осталась предметом восхищения, новой Меккой настоящей веры и прообразом будущего мира. На их восприятие уже не могли повлиять ни собственные впечатления на месте, ни рассказы других о советской действительности. Любую критику они воспринимали как заинтересованный, классово враждебный выпад, а неприятные очевидности готовы были объяснять, пользуясь пропагандистской фразеологией и вербальными конструкциями, предлагаемыми либо партийной литературой, либо услужливыми сотрудниками ВОКСа и Коминтерна.

Отношение к СССР навсегда разделило латиноамериканских прогрессивных интеллектуалов на два непримиримых лагеря. И это разделение не было преодолено даже после исчезновения самой страны Советов в конце XX в.

⁶⁵ Ibid. P. 424–425.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Празднование Десятилетия Октябрьской революции и развитие латиноамериканского революционного движения // Латиноамериканский исторический альманах. №14. 2014. С. 266–291 [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Prazdnovanie Desyatiletija Oktyabr'skoj revolyucii i razvitie latinoamerikanskogo revolyucionnogo dvizheniya // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah. №14. 2014. S. 266–291]
- Щелчков А.А. Российская революция и латиноамериканская интеллигенция // Новая и новейшая история. №1. 2018. С. 155–171 [Schelchkov A.A. Rossijskaya revolyuciya i latinoamerikanskaya intelligenciya // Novaya i novejschaya istoriya. №1. 2018. С. 155–171]
- Янчук И.И. Коминтерн и АПРА. К истории становления идеологии и организационных форм революционного национализма в Латинской Америке. // Латиноамериканский исторический альманах. No.7. 2007 [Yanchuk I.I. Komintern i APRA. K istorii stanovleniya ideologii i organizacionnyh form revolyucionnogo nacionalizma v Latinskoj Amerike. // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah. No.7. 2007]
- Agicó J. 1917 y América Latina // Nueva Sociedad. No.111. enero-febrero 1991.
- Ávila N. Intelectuales y artistas por la Revolución: La Revista de Oriente, 1925-1926. // Revista Izquierdas. N° 25, Octubre 2015.
- Hobsbawm E. Historia del siglo XX. 1914–1991. Barcelona: Crítica, 1995.
- Ingenieros J. Los tiempos nuevos. Reflexiones optimistas sobre la guerra y la revolución. Madrid: ed. América, 1921.
- Lucía D.O. Liberalismo y revolución: los georgistas argentinos y la revolución rusa // Pacarina del Sur. año 3. núm. 10. enero-marzo, 2012.
- Montelone J. El relato de viaje. De Sarmiento a Umberto Eco. Buenos Aires: Ateneo, 1998.
- Muñiz M. Viajeros cubanos a la Unión Soviética: la experiencia del periplo y las formas del relato en las plumas de Julio Antonio Mella, Sergio Carbó y Rubén Martínez Cillena (1927–1932) // Revista de la Red Intercatedras de Historia de América Latina Contemporánea 45 Año 2, N° 3, Córdoba, Diciembre de 2015.
- Primeros viajeros al País de los Soviets: Crónicas porteñas 1920-1934. Buenos Aires: Dirección General del Libro, Bibliotecas y Promoción de la Lectura, 2017.
- Ravines E. La Gran estafa (La penetración del Kremlin en Iberoamérica). México: Libros y Revistas, 1952.
- Ugarte M. La nación latinoamericana. Caracas: Biblioteca de Ayacucho, 1978.
- Ugarte M. La patria Grande. Buenos Aires, 2010 (www.bibliotecafederal.org)
- Vasconcelos J. La creación de la Secretaria de la Educación Pública. México: INEHRM, 2011.

Щелчков Андрей Аркадьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; sch2000@mail.ru

Soviet Russia – a “Mecca” for Latin American revolutionaries. The image of a “messiah” country in the works by Latin American intellectuals

The Latin American intellectuals experienced a tremendous ideological and psychological shock after the first news of the Russian revolution of 1917 and the proclamation of the first socialist state. The first love to the “Russian experiment” often gave way to sobering up after a personal acquaintance with the realities of the Soviet regime and its practice. The first essays of travelers who visited Soviet Russia through the Comintern or VOKS, their unbiased view of the Russian revolution led to a deep division between the Latin American intelligentsia. One thing remained unchanged – the continued interest in what was happening in Russia and analysis through the prism of the Russian experience of Latin American reality.

Keywords: Soviet Russia, Latin America, intellectuals, the image of the ideal society, VOKS, Comintern

Andrey Schelchkov, Dr. Sc. (History), Chief Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; sch2000@mail.ru